

УДК 347:341

Гражданско-правовая ответственность за коррупцию по международному праву**Сибгатуллина Л.И.**

Судья Верховного Суда Республики Татарстан

Статья посвящена вопросам применения в сфере противодействия коррупции гражданско-правовых мер, способствующих восстановлению нарушенных прав и законных интересов лиц, пострадавших в результате акта коррупции. Единственным международным актом, предусматривающим меры гражданско-правовой защиты лиц, пострадавших в результате коррупции, на сегодняшний день является Конвенция Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию. В статье представлен постатейный анализ Конвенции, а также официальный комментарий к ней в авторском переводе.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, Конвенция Совета Европы, восстановление нарушенных прав.

Несмотря на неоспоримую важность применения уголовной ответственности за коррупцию, вполне очевидно, что меры исключительно уголовно-правового характера в борьбе с коррупцией не являются в полной мере эффективными. Как в свое время справедливо заметил отечественный правовед Н.М. Коркунов, сама уголовная кара не уничтожает совершившегося правонарушения, сама по себе не восстанавливает попорченного права, не возмещает причиненного преступником вреда [1, с. 694]. Поэтому для эффективной борьбы с коррупцией следует учитывать необходимость конструирования такой системы юридических мер, которая включала бы не только меры наказания и предупреждения, но и меры восстановления нарушенных прав и законных интересов.

Впервые о необходимости применения гражданского права в борьбе с коррупцией в целях защиты прав и интересов понесших ущерб лиц было заявлено в 20-ти Руководящих Принципах по борьбе с коррупцией (17-й Принцип), принятых Комитетом Министров Совета Европы на 101-й сессии 6 ноября 1997 г. Исследование, проведенное Междисциплинарным Советом по коррупции, показало, что в антикоррупционных законодательствах государств имеются определенные различия, тем не менее международное сближение гражданско-правовых средств противодействия коррупции возможно и необходимо.

На 22-й Конференции, состоявшейся в июне 1999 г., министры юстиции европейских стран в

Резолюции № 3, посвященной борьбе против коррупции, настоятельно рекомендовали Комитету Министров Совета Европы до конца 1999 г. принять проект Конвенции против коррупции в гражданско-правовом аспекте и открыть ее для подписания. В результате, вслед за принятием Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию и учреждением «Группы государств против коррупции» (ГРЕКО), Совет Европы окончательно утвердил создание международно-правового механизма борьбы с коррупцией гражданско-правовыми средствами. Таким образом, отличительной чертой подхода Совета Европы является противодействие коррупции не только мерами уголовного и административного права, но и гражданского права.

4 ноября 1999 г. Комитет Министров Совета Европы принял Конвенцию о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (далее – Конвенция) и официальный комментарий к ней. Подписанная более чем 40 государствами и имеющая 25 стран-участниц, Конвенция вступила в силу 1 ноября 2003 г. и является открытым международным договором Совета Европы. На сегодняшний день Конвенция является единственным международным актом, предусматривающим меры гражданско-правовой защиты лиц, пострадавших в результате коррупции.

Конвенция, как отмечается в официальном комментарии, не содержит самоисполнимых норм, и это означает, что государства-участники должны имплементировать конвенционные принципы и нормы во

внутригосударственное законодательство с учетом своих особенностей. Следует отметить, что подписание этой Конвенции государствами проходит медленнее, чем подписание Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию. «Связано это во многом с тем, что ряд государств, где уровень коррупции чрезвычайно высок, не имеют даже примерных навыков определения размера вреда, причиненного коррупцией, а их гражданское законодательство не имеет механизмов для взыскания подобного рода ущерба» [2].

Целью Конвенции, как это определено в ее ст. 1, является требование к каждой Стороне – ее участнице предусмотреть во внутреннем праве эффективные средства правовой защиты лиц, понесших ущерб в результате актов коррупции, позволяющие им защищать свои права и интересы, включая возможность получения компенсации за ущерб. Как отмечается в официальном комментарии, термин «лица» относится как к физическим, так и юридическим лицам, а также другим субъектам, способным участвовать в судебном процессе, как они определяются в некоторых правовых системах [3, par. 27]¹. Укажем, что вопреки формулировке «эффективные средства правовой защиты», предполагающий их широкий спектр, по содержанию Конвенции эти средства защиты прав и интересов сводятся исключительно к возможности получения компенсации за ущерб. Как справедливо отмечается в литературе, получение компенсации за ущерб предполагается в качестве основного и практически единственного способа защиты прав и интересов лиц, понесших ущерб в результате актов коррупции [4].

В Конвенции дается определение коррупции, которая «означает просьбу, предложение, дачу или принятие, прямо или косвенно, взятки или любого другого ненадлежащего преимущества или обещания такового, которые искажают нормальное выполнение любой обязанности или поведение, требуемое от получателя взятки, ненадлежащего преимущества или обещания такового» (ст. 2). Следует указать, что Конвенция следует традиционно подходу в вопросе об определении коррупции и его содержания для целей данной Конвенции. Как отмечают ее разработчики, это не означает, что Стороны обязаны принять эту дефиницию для своего внутреннего права, хотя они могут сделать это, если пожелают. Главной целью конвенционного определения было внести ясность в значение термина «коррупция» в контексте данной Конвенции и очертить точные законодательные рамки, в которых возникают обязательства, разработанные этой Конвенцией [3, par. 31].

Как уже отмечалось нами ранее [5], конвенционная дефиниция, если не принимать во внимание

указания на двусторонний характер коррупционных отношений, является достаточно общей. Очевидно, что субъектом в данном случае может быть любое лицо, при этом не имеет значения мотивация совершения коррупционного преступного деяния и формы его совершения. Необходимым элементом является только причинение гражданско-правового вреда законным интересам конкретных физических или юридических лиц в результате акта коррупции. В силу отмеченных моментов рассматриваемая дефиниция, данная в Конвенции, представляется в определенной степени точной и, на наш взгляд, может претендовать на универсальность, важной для понимания общественно-политических и экономических аспектов коррупции и имеющей применение в иных отраслях права.

Ст. 3 Конвенции, по утверждению ее авторов, воплощает ее главную цель, которая заключается в том, чтобы обеспечить право лиц, понесших ущерб от акта коррупции, на его возмещение. В соответствии со ст. 3, Стороны должны предусмотреть в национальном законодательстве нормы, закрепляющие право лиц, понесших ущерб от акта коррупции, подать иск в целях получения полного возмещения ущерба (п. 1), при этом указанное возмещение может охватывать причиненный реальный ущерб, упущенную финансовую выгоду и компенсацию морального вреда (п. 2). Как отмечается в официальном комментарии, решать, есть ли условия для полного возмещения ущерба, будет суд в каждом индивидуальном случае [3, par. 35]. Разработчики Конвенции также указывают, что компенсация за ущерб не должна быть ограничена какими-либо стандартными выплатами, а должна определяться в соответствии с понесенными убытками. В то же время полное возмещение, согласно Конвенции, исключает карательную компенсацию². Однако от государств-участников, внутреннее право которых содержит институт карательного (репрессивного) возмещения, не требуется, чтобы они исключали его применение в дополнение к полному возмещению [3, par. 36].

Ясно, что возмещение ущерба предполагает различные способы в зависимости от сущности ущерба. Материальные убытки компенсируются в денежной сумме, тогда как нематериальный ущерб (моральный вред) может быть также возмещен и другими способами, такими, например, как опубликование решения суда [3, par. 37]. При этом в официальном комментарии поясняется, что понятие «нематериальный ущерб» относится к убыткам, которые не могут быть немедленно подсчитаны, так как они не равнозначны реальному материальному ущербу. Наиболее распространенным примером нематериального ущерба является потеря репутации конку-

¹ Здесь и далее перевод Л.С.

² Денежное возмещение в виде наказания ответчика для примера, применяемое в ряде зарубежных стран – Л.С.

рента, которая может быть возмещена в денежной сумме или в результате опубликования решения суда за счет ответчика. Однако государствам предоставляется самим определять в соответствии со своим законодательством сущность нематериального ущерба, а также способов его компенсации [3, pag. 38-39].

Непосредственно гражданско-правовой ответственности за коррупцию посвящены ст.ст. 4 и 5 Конвенции. Ч. 1 ст. 4 определяет условия, которые должны быть выполнены для того, чтобы ущерб подлежал возмещению: необходимо, во-первых, чтобы ответчик совершил или санкционировал акт коррупции или не предпринял разумные действия для его предотвращения (i); во-вторых, истец понес ущерб (ii); в-третьих, должна существовать причинно-следственная связь между актом коррупции и нанесенным ущербом (iii). Как видим, первое условие указывает на то, что лиц, ответственных за ущерб, причиненный одним и тем же актом коррупции, может быть несколько, поэтому вполне оправдана обязательность несения ими солидарной и долевой ответственности, установленной ч. 2 ст. 4, независимо от того, сознательно ли ответчики были объединены или же один из них подлежит ответственности только за свое халатное поведение. В контексте Конвенции солидарная и долевая ответственность означает, что лица, которым причинен ущерб от акта коррупции, за который несут ответственность несколько правонарушителей, могут добиваться полного возмещения от кого-либо одного из них или нескольких [3, pag. 46-47].

Чтобы получить компенсацию, истец должен доказать факт ущерба, причиненного ответчиком намеренно или по небрежности, и причинную связь между коррупционным поведением и ущербом. Эти условия не дают права на компенсацию лицу, которое только заявляет, что акт коррупции затронул или затронет в будущем тем или иным образом его права или интересы [3, pag. 40].

В отношении виновного поведения ответчика разработчики Конвенции указывают, что, главным образом, ответственны за ущерб те, кто прямо и сознательно участвовал в акте коррупции, и, прежде всего, лица, дающие и получающие взятку, а также те, кто подстрекает или способствует акту коррупции. Кроме того, ответственны за ущерб те лица, которые пренебрегли своими обязанностями, лежащими на них, и не предприняли соответствующие действия для предотвращения акта коррупции. Это означает, что работодатель несет ответственность за коррупционное поведение своих служащих, если он, например, халатно относится к организации деятельности своей компании или не прилагает усилий для осуществления соответствующего контроля над своими работниками.

Что касается наличия ущерба, обозначенного в п. (ii) ч. 1 ст. 4, то он должен быть подтвержден в

суде. Так как Конвенция устанавливает минимальные стандарты, п. (ii) ч. 1 ст. 4 не препятствует Сторонам предусмотреть положение о том, что заявить требование о компенсации понесенного ущерба может более чем одно лицо.

Возмещению подлежит ущерб в том случае, когда между ним и деянием существует причинная связь. Так, например, упущенная финансовая выгода для неупреждающего конкурента, который мог бы приобрести контракт, если бы не был совершен акт коррупции, является обычным следствием коррупции и должна быть возмещена. С другой стороны, отмечают разработчики, не существует причинной связи в случае, если, например, неупреждающий конкурент, разгневанный и разочарованный убытками бизнеса, упал с лестницы и сломал ногу. Однако необходимо отметить, что за государствами остается право применять в своем внутреннем законодательстве и практике более широкое понимание причинной связи [3, pag. 41-45].

Каждая Страна в своем национальном законодательстве должна установить надлежащие процедуры, позволяющие лицам, понесшим ущерб от акта коррупции, совершенного ее публичными должностными лицами в ходе осуществления ими своих функций, требовать возмещения ущерба от государства или, в случае если Страна не является государством, от соответствующих властей данной Страны (ст. 5). Как отмечено в официальном комментарии, подобные процедуры уже существуют в ряде государств Европы [3, pag. 48]. Вполне очевидно, что нормы в отношении «Страны, не являющейся государством» применимы в современной практике только к Европейскому Сообществу, поскольку это единственный субъект, не являющийся государством, для подписания которым, в соответствии со ст. 15 Конвенции, она открыта. Поэтому трудно не согласиться с высказанным в юридической литературе мнением о том, что исследуемая формулировка, содержащая прямую ссылку на Европейское сообщество и его соответствующие власти, была бы более предпочтительной как в смысле корректности, так и в смысле отхода от искусственного усложнения структуры текста [4].

Ст. 5 не устанавливает, как указывают разработчики, условий ответственности Стран: Конвенция оставляет за Страной право определить в своем внутреннем законодательстве условия, в соответствии с которыми она будет нести ответственность. До этого времени условия и процедуры для удовлетворения требования возмещения от государства ущерба, причиненного актом коррупции, совершенного публичными должностными лицами во время исполнения ими своих функций, будут регулироваться соответствующими нормами внутреннего права Страны. Тем не менее ст. 5 требует от Стран обеспечить «надлежащие процедуры», дающие

возможность пострадавшим от акта коррупции, совершенного публичными должностными лицами, путем эффективных процедур и в разумные сроки предъявлять требования компенсации к государству или, в случае если Сторона не является государством, к ее властям.

Положения ст. 5 не препятствуют Сторонам в том, чтобы предусмотреть в своем внутреннем праве возможность для лиц, понесших ущерб в результате акта коррупции, возбуждать дело против публичных должностных лиц, а также возможность для самой Стороны требовать в судебном порядке от своих публичных должностных лиц компенсации каких-либо убытков, включая судебные издержки [3, pag. 49-50]. Во всяком случае, большинство европейских правовых систем уже предусматривают такую возможность.

Объем возмещения ущерба уменьшается или его возмещению может быть отказано, принимая во внимание все обстоятельства, если истец по собственной вине способствовал причинению ущерба или его увеличению (ст. 6). В комментарии подчеркивается, что это должно быть виновное поведение, а невиновные действия пострадавшего не влияют на его право на компенсацию ущерба. Кроме того, должна приниматься во внимание степень вины пострадавшего, способствовавшего причинению ущерба или его увеличению [3, pag. 53, 55]. Например, работодатель, возложивший всю ответственность по распоряжению большими денежными суммами на служащих, в чьи обязанности входит также заключение определенных контрактов, и не осуществляющий собственный контроль над условиями их заключения, проявляет виновное поведение, которое способствовало причинению ущерба. Если после того, как обнаружилось, что служащие дали взятку, работодатель не предпринял необходимых мер для того, чтобы предотвратить повторение таких фактов, то его требование компенсации может быть уменьшено или даже отклонено в связи с тем, что он сам способствовал тому, что служащие причинили финансовый ущерб компании [3, pag. 57-58].

Срок исковой давности применительно к судопроизводству по возмещению ущерба, причиненного в результате акта коррупции, составляет, согласно ст. 7, не менее 3-х лет со дня, когда лицу, понесшему ущерб, стало известно или, исходя из здравого смысла, должно было стать известно о возникновении ущерба или о совершенном акте коррупции и о лице, ответственном за него. В соответствии с этой же статьей, общий срок для предъявления такого иска составляет 10 лет с момента совершения коррупционного действия, по истечении которых иск не может быть предъявлен. При этом в ч. 2 ст. 7 содержится отсылочная норма к внутреннему законодательству Сторон, регулирующему приостановление или перерыв сроков исковой давности. Таким

образом, разработчики Конвенции, признавая, что разные страны устанавливают различные сроки исковой давности, не предписывают в статье точно определенный срок, который может быть применен в случае совершения коррупции. Как указывается в официальном комментарии, в случае совершения нескольких актов коррупции Стороны самостоятельно определяют момент совершения коррупционного действия, имеющий значение для исчисления срока исковой давности [3, pag. 62]. Отметим, что в отношении сроков внесудебных процедур возмещения вреда Конвенция умалчивает.

Согласно ч. 1 ст. 8 любая сделка или положение сделки, предусматривающие совершение акта коррупции, являются недействительными и не имеющими юридической силы. В официальном комментарии отмечается, что в большинстве европейских государств незаконные сделки признаются недействительными и не имеющими юридической силы [3, pag. 63]. Ч. 2 этой же статьи закрепляет возможность для всех сторон сделки, чье согласие было нарушено актом коррупции, обратиться в суд в целях признания сделки недействительной, несмотря на их право требовать возмещения ущерба. Таким образом, ч. 2 ст. 8 упрочивает применение гражданского права в борьбе против коррупции, предоставляя лицам, понесшим ущерб от акта коррупции, дополнительные средства. Как следует из текста статьи, государства не обязаны предусматривать в своем национальном законодательстве возможность для третьих лиц требовать признания сделки недействительной и не имеющей юридической силы. Вполне понятно, что ничто не препятствует Сторонам выйти за рамки содержания этой статьи, если они пожелают, признав право заинтересованных лиц требовать признания сделки недействительной и не имеющей юридической силы. Во всяком случае, лица, имеющие законный интерес, могут в соответствии с другими положениями Конвенции (а именно ст.ст. 3, 4) предпринять действия, направленные на получение компенсации ущерба, причиненного в результате акта коррупции [3, pag. 65].

Важными и необходимыми являются конвенционные положения ст. 9, посвященные защите от любых неправомерных санкций в отношении служащих, которые имеют серьезные основания подозревать наличие коррупции и добросовестно сообщают о своем подозрении компетентным лицам или органам. Как отмечается в официальном комментарии относительно надлежащих мер защиты служащих, указанных в ст. 9, законодательство Сторон может, например, предусмотреть требования к работодателю выплатить компенсацию служащим, которые пострадали от неправомерных санкций [3, pag. 67]. На первый взгляд, представляется несколько неопределенной формулировка статьи – «защита от любых неправомерных санкций», что может сни-

жать действенность нормы, однако в официальном комментарии мы находим разъяснения и уточнения: «неправомерные санкции» означают любые незаконные санкции против служащих, которые сообщили компетентным лицам или органам об акте коррупции, что не должно рассматриваться как нарушение служебной тайны. Примерами неправомерных санкций могут быть увольнение, понижение в должности или иные действия в отношении таких лиц, препятствующие их карьерному продвижению. Защита служащих обеспечивается только при условии, что они имеют серьезные основания для подозрения и сообщают об этом добросовестно [3, pag. 69, 71-72]. Укажем, что можно было бы признать целесообразным расширение круга субъектов, подлежащих защите в указанных в статье обстоятельствах.

Конвенция возлагает на государств-участников также обязательства, касающиеся прозрачности и достоверности финансовой отчетности и аудита; эффективности процедур сбора доказательств; вынесения судебных распоряжений, необходимых для охраны прав и интересов сторон в ходе рассмотрения в суде дел, связанных с коррупционными действиями.

Отчеты и аудит являются важным инструментом выявления коррупции и противодействия ей. Обязательные предписания в отношении отчетов и аудитов могут помочь предотвратить и вскрыть такие нарушения, как сделки с неустановленными лицами, отметки о произведенных расходах, фальшивые документы и отчеты. Ст. 10 предусматривает, чтобы каждая Сторона для развития своего внутреннего права принимала все необходимые меры с тем, чтобы ежегодные отчеты компаний составлялись надлежащим образом и предоставляли достоверные сведения о финансовом положении компании (ч. 1); с целью предупреждения актов коррупции каждая Сторона предусматривает в своем национальном законодательстве нормы об аудиторах, задачей которых является подтверждение достоверности сведений о финансовом положении компании, представляемых в ежегодных отчетах (ч. 2).

Ст. 11 Конвенции устанавливает для государств-участников обязательство предусмотреть в своем национальном законодательстве эффективные средства получения доказательств, а ст. 12 – обязательство предусмотреть возможность для суда выносить такие распоряжения, которые необходимы для защиты прав и интересов сторон при рассмотрении в порядке гражданского судопроизводства дел по коррупции. Заметим, что аналогичные нормы существуют во всех правовых системах государств, на них базируется цивилизованное судопроизводство, но закрепление их в Конвенции свидетельствует, на наш взгляд, о той важности, которой придают разработчики Конвенции этим нормам. Как отмечается в официальном комментарии, коррупция по своей природе – скрытое явление, и для истца представ-

ляет большую сложность получить необходимые доказательства. Некоторые правовые системы предусматривают письменное ходатайство суду о разрешении расследования, тогда как в других правовых системах судья может назначить специальное лицо для получения необходимой информации. Ст. 11 не предлагает Сторонам предусмотреть специальные процедуры получения доказательств в отношении коррупции; цель статьи – подвигнуть Стороны, не имеющие эффективных средств получения доказательств, установить такие процедуры, чтобы расследовать случаи коррупции [3, pag. 77-79].

По общему опыту истцов в большинстве стран, их попытки получить возмещение посредством гражданско-правовых процедур могут быть расстроены недобросовестными должниками, которые скрывают или растрачивают свое имущество до исполнения решения суда. Эта проблема становится особенно серьезной, когда судебное разбирательство проводится в других странах. В этой связи ст. 12 требует от Сторон предусмотреть возможность для суда выносить такие распоряжения, которые необходимы для сохранения собственности в течение гражданско-правового процесса. Как указывают разработчики Конвенции, целью этой нормы является защита обеих сторон – и истца, и ответчика – в процессе судебного спора. Сторонам разрешено самим решать, как достичь этой цели. Они могут предусмотреть возможность принятия временных мер до того, как судопроизводство формально начнется, в его начале или в процессе его, или комбинируя все это [3, pag. 80-81]. Как отмечается в официальном комментарии, необходимо, во-первых, обеспечение предварительных мер по охране имущества, которым может быть погашено обязательство согласно вступившему в силу судебному решению; или, во-вторых, поддержание статус-кво в ожидании постановления суда [3, pag. 83].

На наш взгляд, упущением является отсутствие в тексте указанных статей Конвенции некоторых конкретизирующих норм, развивающих и уточняющих представленные в статьях исходные положения, например, норм об участии в процессах по таким категориям дел государственного обвинителя, защите прав контрагентов, добросовестно выполнивших взятые на себя обязательства и других значимых норм, в том или ином виде присутствующих во внутреннем праве каждого государства.

Конвенция следует 20-му Руководящему Принципу по борьбе с коррупцией, который подчеркивает необходимость самого широкого международного сотрудничества во всех областях борьбы против коррупции. При расследовании фактов коррупции, включающих в себя международные элементы, возникают определенные проблемы, такие как неопределенность в вопросе о применимости закона страны, проблемы, относящиеся к доказательствам,

а также сложности в вопросе о признании вступивших в силу иностранных судебных решений. В этой связи ст. 13 предусматривает сотрудничество государств в соответствии с положениями международных договоров в сфере экономических и гражданско-правовых отношений, участниками которых они являются, а также в соответствии с национальным законодательством в вопросах делопроизводства, получения доказательств за рубежом, юрисдикции, судебных расходов, признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений. Как видим, перечень четко сформулирован, легко применим на практике и носит открытый характер.

Ст. 13 требует от Сторон сотрудничать каждый раз, когда это возможно, на основе таких существующих международно-правовых документов в этой области, как, например, Брюссельская Конвенция 1968 г. и Конвенция, заключенная в г. Лугано в 1988 г., о юрисдикции и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам, Гагская Конвенция о службе за рубежом, ведающей судебными и внесудебными документами по гражданским и коммерческим делам, 1965 г., Гагская Конвенция о получении доказательств за рубежом по гражданским и коммерческим делам 1970 г., Гагские Конвенции о гражданских процедурах 1954 и 1980 гг. Эти конвенции, а также другие, которые были заключены на различных международных форумах (таких, как Гагская конференция по международному частному праву), устанавливают достаточный «свод права», который может и должен применяться в делах о коррупции, включающих международный элемент.

Те государства-участники Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию, которые еще не являются участниками вышеназванных международно-правовых договоров, могут сделать это. Кроме того, разработчики Конвенции надеются, что Стороны, которые не подписали или не ратифицировали указанные договоры, будут прилагать все усилия к тому, чтобы предоставлять друг другу равнозначный уровень взаимной правовой помощи по судебным делам в области, обозначенной Конвенцией, даже если они не имеют специальных обязательств в этой сфере [3, par. 88-91].

Выполнение Сторонами Конвенции контролируется ГРЕКО – «Группой государств против коррупции» (ст. 14). При этом в тексте самой Конвенции не определяются средства и способы осуществления указанного контроля. Норма ст. 14 является бланкетной, так как функции, содержание, действия и процедуры ГРЕКО установлены ее Статутом. Как указывается в официальном комментарии, если подписавшая Страна уже является членом ГРЕКО на момент ратификации Конвенции, сфера мониторинга, осуществляемая ГРЕКО, распространяется и на имплементацию Конвенции. Если Страна не является членом ГРЕКО, в момент ратификации,

принятия или одобрения Конвенции положения ч. 3 и 4 ст. 15 и ч. 2 ст. 16 Конвенции налагают обязательство автоматического членства в ГРЕКО. Следовательно, это включает в себя обязательство допустить контроль со стороны ГРЕКО в соответствии с процедурами, указанными в Статуте, со дня вступления Конвенции в силу по отношению к данному государству.

Как известно, Российская Федерация в настоящее время готовится к подписанию Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию. Президент Российской Федерации в Национальном плане противодействия коррупции, принятом 31 июля 2008 г., поручил Министерству иностранных дел Российской Федерации совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти представить предложения о целесообразности подписания Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию на основе анализа соответствия данной Конвенции правовой системе Российской Федерации и оценки возможных последствий ее подписания [6].

Следует отметить, что нормы российского законодательства, направленные на восстановление нарушенных прав и законных интересов, хотя и без специального указания на акты коррупции, в целом удовлетворяют требованиям положений Конвенции, а в иных случаях даже превосходят их по объему содержания. Однако это обстоятельство, на наш взгляд, не является аргументом в пользу нецелесообразности присоединения России к Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (аналогичные нормы присутствуют и в правовых системах тех государств, которые стали участниками этой Конвенции).

Напротив, подписание и ратификация Российской Федерацией Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию 1999 г. представляется чрезвычайно важным по нескольким аспектам. Для Российской Федерации всестороннее участие в международной борьбе с коррупцией имеет большое значение как в целях эффективного противостояния коррупции на национальном уровне, так и в свете задачи интеграции в мировое сообщество. Безусловно, подписание Россией Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию и ее ратификация повлечет внесение необходимых изменений и дополнений в гражданское, гражданско-процессуальное, финансовое, банковское и административное законодательство нашей страны. Учитывая высокую социальную опасность коррупции, представляется необходимым выделить из общего массива гражданско-правовых правонарушений коррупционные гражданско-правовые деликты с целью ужесточения ответственности за них.

Не менее важен мониторинг за исполнением гражданско-правовых обязательств государства, задача которого по Конвенции возложена на Группу государств против коррупции (ГРЕКО), к которой Россия присоединилась, ратифицировав Федеральным законом от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ Конвенцию Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию. Все это в целом будет способствовать достижению эффективности борьбы с коррупцией, в том числе и на международном уровне, что отвечает положениям Конституции Российской Федерации, определяющей Россию как правовое демократическое государство, гарантирующее своим гражданам права и свободы.

Литература:

1. Коркунов Н.М. Русское государственное право. В 2-х т. Т. 2. Часть особенная / Под ред. и с доп.: М.Б. Горенберг. – 6-е изд. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. – 749 с.
2. Алешин К.И. Законодательство Европейского Союза о противодействии коррупции и отмыванию капиталов. – URL: <http://www.jurfak.spb.ru/centers/traCCC/article/aleshin.htm>
3. Civil Law Convention on Corruption (ETS № 177). Explanatory Report. – <http://www.anticorruzione.it/Portals/altocommissario/Documents/Atti%20internazionali/relazione%20COE%20su%20Civil%20Law%20Convention%20on%20Corruption.pdf>
4. Швец Е.В. Некоторые аспекты международно-правового сотрудничества государств-членов Совета Европы в области борьбы с коррупцией // Журнал российского права. – 2000. – № 7. – С. 65-73.
5. Сибгатуллина Л.И. Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию: некоторые правовые аспекты // Вестник ТИСБИ. – 2008. – № 3. – С. 149-154.
6. Алакшина И.С. Гражданско-правовые аспекты противодействия коррупции // Безопасность бизнеса. – 2009. – № 2. – С. 31-32.

Civil Liability for Corruption in the Sphere of International Law

L. Sibgatullina

The Supreme court of Republic Tatarstan

The article is dedicated to some aspects of application of civil penalties in the anti-corruption sphere, leading to restoration of violated rights and interests of the victims of corruption. The only international norm, regulating legal protection of victims of corruption, is currently the Council of Europe Criminal Law Convention on Corruption. The article presents the analysis of articles of the Convention and official commentary in the translation of the author.

Keywords: corruption, corruption counteraction, the Convention of the Council of Europe, restoration of the broken rights.

